

дения к произведению Т. ищет ответ на вопрос: в чем же выход для человека, чтобы не разрушилась его личность, чтобы восторжествовали совесть и правда? В повести «Находка» писатель выбирает сострадание, которое только и помогает героям обрести смысл жизни, сострадание к ближнему, особенно к беззащитному существу. Угрюмый, суровый инспектор рыбнадзора Трофим Русаков по прозвищу Карга находит в тайге новорожденного ребенка, и этот теплый комочек жизни переворачивает его душу. «В человеке,— утверждает писатель в повести **«Ночь после выпуска»** (1974),— живут, скрытые порою за весьма благополучной внешностью, самые различные возможности — и добрые и злые. Важно вовремя обнаружить в себе высокую нравственную потенцию и не поддаться злу». Эта мысль является главной и в повести **«Весенние перевертыши»** (1973). Учительство, проповедничество — характерная черта дарования Т. В своих экспериментальных поисках выхода из крайне трудных психологических ситуаций он неизменно подталкивал человека к добру. Путь к истине, неотрывный от любви к человеку, может лежать и через постижение красоты. Именно на эту тему написаны его роман «Свидание с Нефертити» и трактат **«Плоть искусства»** (1973). В повести **«Три мешка сорной пшеницы»** появляется образ великого утописта Т. Кампанеллы. Герой произведения Женька Тулупов не расстается с его книгой «Город Солнца». Но в финале он вынужден под влиянием действительности и собственных прозрений расстаться с утопическими мечтаниями, а заодно и со слепой верой в авторитеты. Впоследствии эта мысль снова появилась у Т. в романе **«Покушение на миражи»** (1989) и в особенности в поздних его рассказах, в мемуарном эссе **«На блаженном острове коммунизма»** (1987).

Творчество Т. внесло в лит-ру советского и постсоветского периода строгое, аналитическое начало, пафос поиска истины и духовности.

Соч.: СС: в 5 т. М., 1987; Избранные произведения: в 2 т. М., 1963; Апостольская командировка: сб. М., 1984; Затмение: повести. М., 1986; Кончина: Повести. Рассказы. М., 1990.

Лит.: Павловский А. И. Творчество В. Ф. Тендрякова // *Вопр. советской лит-ры*. Л., 1959. Вып. VIII; Крамов И. Проза В. Тендрякова // Тендряков В. Падение Ивана Чупрова. Пермь, 1971; Сидоров В. [Вступ. статья] // Тендряков В. СС: в 4 т. М., 1978. Т. 1; Горшенин А. В. Человек среди людей. Новосибирск, 1982.

А. И. Павловский

Ю. К. Терапиано

ТЕРАПИАНО Юрий Константинович [9(21). 10.1892, Керчь — 3.7.1980, Ганьи, близ Парижа] — поэт, критик, прозаик.

Сын статского советника Константина Васильевича Торопьяно. Окончил Александровскую классическую гимназию в Керчи (1911) и юридический ф-т Киевского ун-та св. Владимира (1916). В 1913 Т. побывал в Персии, где познакомился с одним из учителей зороастрийской религии. Общение с ним во многом предопределило формирование мировоззрения Т., его глубокий интерес к восточной эзотерической традиции; записи, сделанные по следам этих бесед, послужили основой позднейшей книги Т. **«Маздеизм. Современные последователи Зороастра»** (Париж, 1968; переизд.: М., 1993). В 1916 Т. был призван в армию, по окончании военного училища весной 1917 начал в звании прапорщика службу в Москве (где общался с двоюродным братом своей матери Л. А. Тихомировым — богословом, в прошлом народо-довольцем, порвавшим с революционным движением), затем был на Юго-Западном фронте; летом 1919, после занятия Киева белыми, вступил в Добровольческую армию. В 1918–19 в Киеве начал лит. деятельность: участвовал в собраниях киевского Лит.-артистического общества, затем — ХЛАМа (Общества художников, литераторов, артистов, музыкантов), общался с О. Э. Мандельштамом, Б. К. Лившицем, а также с В. Н. Маккавейским, с которым был связан тесной дружбой; в «ежегоднике искусства и гуманитарно-

го знания» «Гермес» (Сб. 1. Киев, 1919. Апр.), изданном под редакцией Маккавейского, были опубликованы стихотворные произведения Т. («Из поэмы „Единое и все“», «Поэма о смерти гротескной Якова Моле» и др.) и два его прозаических этюда («I. Гермес. II. Метемпсихозы Сатаны»). Весной 1920 в феодосийском лит.-художественном кружке ФЛАК познакомился с М. А. Волошиным. В составе Добровольческой армии эмигрировал из Крыма, 2 года прожил в Константинополе, в 1922 переехал в Париж, где стал постоянным участником русских лит. собраний и объединений.

В начале 1925 Т.— один из организаторов «Союза молодых писателей и поэтов» и его первый председатель, с 1926 — сотрудник газ. «Дни» (куда его привлек заведующий лит. отделом В. Ф. Ходасевич) и «Последние новости». В том же году Т.— один из учредителей поэтического кружка «Перекресток», ориентировавшегося на «неоклассическую» поэтику Ходасевича и строгие стихотворные формы, а также один из редакторов (наряду с Н. Берберовой, Д. Кнудом, Вс. Фохтом) парижского ж. «Новый дом», в котором появилась его программная статья «**Два начала в русской современной поэзии**» (1926. № 1). Выделяя в ней Б. Л. Пастернака и Ходасевича как выразителей, соответственно, двух противоположных начал в поэтическом творчестве — Хаоса и Космоса, Т. отдает безусловное предпочтение началу Космоса, выраженному у Ходасевича во «внутренней насыщенности» чувства и в «ясной и точной словесной расстановке» (С. 27). В 1927–28 Т.— один из редакторов (вместе с В. А. Злобиным и Л. Е. Энгельгардтом) лит. ж. «Новый корабль», с 1927 постоянно участвует в собраниях общества «Зеленая лампа», организованного по инициативе Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус; Т. примыкал к ближайшему лит. окружению Мережковских и сочувствовал их метафизическим исканиям.

Первая книга стихов Т. «**Лучший звук**» (Мюнхен, 1926), включавшая поэму «**Невод**», написанную как «Слово, обращенное от лица Горуса-Аполлона, Иерарха, к ученику его, Василиду, трудящемуся над построением Нового Храма Премудрости», в полной мере отразила религиозно-философские и оккультные тяготения автора («Слова его тяжелые, веские и — о тяжелом и важном», — писал о Т. в этой связи Г. П. Струве [Русская мысль. 1927. № 1. С. 113]), а также его стремление развивать акмеистические традиции и прежде всего тематику и стиливые

приемы поэзии Н. С. Гумилева: сам Т. утверждал, что Гумилев среди поэтов первой четверти века «явился самым заметным после Блока» (О Гумилеве // Новый корабль. 1928. № 3. С. 52), а Ходасевич находил, что в ранних стихах Т. «манерою Гумилева воспроизведена литературная психология молодого Брюсова» (Летучие листы. По поводу «Перекрестка» // Возрождение. 1930. № 1864. 10 июля. С. 4). Имена Брюсова и Гумилева могли служить для Т. также ориентиром в его попытках самоопределения как одного из ведущих лит. критиков Русского зарубежья, автора обзорных статей, претендующих на отражение всей панорамы лит. жизни и систематизированное осмысление ее важнейших тенденций. О претензиях Т. объединить вокруг себя молодых парижских поэтов и «обучить их мастерству стихосложения» иронически писал В. С. Яновский: «Тень мэтра, строителя стихов, Гумилева, Брюсова не давала покоя Терапиано, и это тем более досадно, что, не касаясь его поэтического дара, шармом или магией он никак не обладал. Был Терапиано внешне тускловат» (Яновский В. С. Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 215). Т. стал одним из наиболее плодотворных литераторов эмиграции: его стихи, статьи и рецензии печатались во всех заметных русских журналах и альманахах, издававшихся в Париже («Звено», «Перекресток», «Совр. записки», «Числа», «Встречи», «Круг», «Русские записки») и др. городах («Своими путями», «Воля России», «Журнал содружества» и т. д.). По сообщению Р. Герра, к 1934 Т. успел опубликовать «137 стихотворений и больше сорока критических и литературных статей» (Вместо предисловия // Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–74). Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 312). Готовившаяся к печати в 1935 книга статей Т. «**Литературные будни (Дневник зарубежного писателя)**» издана не была.

Вторая книга стихов Т. «**Бессонница**» (Берлин, 1935) по тематике, идейно-психологической тональности и образно-стилевому ряду зримо контрастировала с его первым сб.; по оценке К. В. Мочульского, поэзия Т., сохранив прежний «молитвенный строй», предстала теперь в подлинном своем облике, без покровов «эстетики, гностики»: «...краски и формы изобразительности отступили под напором лирической стихии; Тайны (с большой буквы) посвященных рассеялись как дым перед лицом простой и бездонной тайны жизни. Стихи сделались простыми,

крепкими, ясными; по ним можно проследить духовное развитие автора: мучительную борьбу с сомнениями, искушениями, отчаянием, освобождение от соблазнов красоты и мастерства, углубление в собственную душу, упрямое стремление к совершенству и чистоте, напряженное искание Бога. <...> Стихи Терапиано — об одиночестве души современного человека, о ее затерянности в страшном и темном мире, богооставленности и безысходной муке» (Совр. записки. 1935. Кн. 58. С. 476). В то же время Ходасевич упреждал на отсутствие в «гладких» стихах Т. лит. своеобразия, на его «несомненное умение повторять чужое» (Возрождение. 1935. № 3697. 18 июля. С. 3). Этот недостаток, по мнению Ходасевича, был во многом преодолен в третьей книге стихов Т. **«На ветру»** (Париж, 1938), которая, «потеряв в цельности, <...> выиграла в правдивости»: «...став самим собою, Терапиано не мог не написать нескольких стихотворений, в которых есть нечто свое, неповторимое — и тем самым нужное для других» (Возрождение. 1938. № 4159. 25 нояб. С. 9).

Вобрав в себя настроения, характерные для мн. поэтов русского Парижа (внутренняя тревога, разуверения, ощущение неприкаянности, драматизма повседневной жизни), поэзия Т. сохранила изначально присущую ей «неоклассическую» ориентацию, тяготение к отточенному мастерству, верность поэтическим традициям начала XX в. (в «На ветру» «любимым поэтом» провозглашается И. Ф. Анненский — стих. **«Каким скупым и беспощадным светом...»**, С. 39), религиозную устремленность. Те же особенности отличают и четвертую книгу стихов Т. **«Странствие земное»** (Париж, 1951), включающую произведения, навеянные воспоминаниями о Гражданской войне и размышлениями о судьбе России: «Земля моя, за каменной стеною, / За крепким частоколом — не пройти: / Любить всю жизнь любовью одною — / И вновь — не Ты, и нет к Тебе пути!» (**«Муза»**. С. 41). В последующие десятилетия Т. почти не пишет стихов; последний его сб. — **«Паруса»** (Washington, 1965).

Теософские интересы Т. и его представления о древнейшей предыстории земли отразились в мистическом повествовании **«Путешествие в неизвестный край»** (Париж, [1946]) — прозаической книге об обитающем в неизвестной стране в Гималаях «потомстве переселенцев с давно исчезнувшего материка» (С. 34); здесь излагаются эзотерические сюжеты («Сказание об исчезнувших материках», «Предания о Кресте и Розе»,

«Предание об Иссе Милостивом» и др.), которые Т. интерпретирует как «отблеск воображения», «другую сторону нашей собственной <...> мечты о лучшем мире, о лучших людях» (С. 164).

В послевоенные годы Т. постоянно печатался в основных эмигрантских журналах и альманахах («Новоселье», «Новый ж.», «Возрождение», «Опыты», «Грани», «Мосты», «Современник», «Оккультизм и йога» и др.), регулярно помещал критические статьи и обзоры в нью-йоркской газ. «Новое русское слово» (1945–55), в 1955–78 вел критический отдел в парижской «Русской мысли». Часть его публикаций этого времени, посвященных лит-ре Русского зарубежья, собрана в посмертно изданной книге **«Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи»** (Сост. Р. Герра и А. Глезер. Париж; Нью-Йорк, 1987). Под ред. Т. (совместно с И. Ясенем и В. Андреевым) был издан сб. стихов русских зарубежных поэтов «Эстафета» (Париж; Нью-Йорк, [1948]), он же составил антологию «Муза диаспоры. Избранные стихи зарубежных поэтов. 1920–1960» (Франкфурт-на-Майне, 1960). Ценнейшим источником сведений о жизни русской эмиграции в 1920–30-е является книга воспоминаний Т. **«Встречи»** (Нью-Йорк, 1953), включающая характеристики основных парижских лит. объединений и аналитические очерки о ряде писателей-эмигрантов. В 1971, уже в преклонном возрасте, Т. стал инициатором лит. собраний «Медонские вечера», где неизменно председательствовал; выступал с докладами на заседаниях Союза писателей и журналистов в Русской консерватории им. С. Рахманинова. С 1955 проживал в «Русском доме» в Ганьи, где и скончался. В последние годы жизни тесно общался с И. В. Одоевцовой, посвятившей памяти Т. книгу воспоминаний «На берегах Сены» (Париж, 1983).

Соч.: Избр. стихи. Вашингтон, 1963; Samsara: Roman. Paris, 1972; La Perse secrète. Aux sources du mazdéisme. Paris, 1978; Встречи. 1926–1971 / вступ. статья, сост., подгот. текста, комм., указатели Т. Г. Юрченко. М., 2002.

Лит.: Одоевцева И. [Некролог] // Русская мысль. 1980. 17 июля; Иваск Ю. [Некролог] // Новый ж. 1981. № 144; Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989. С. 313–327.

А. В. Лавров

ТЕРЕНТЬЕВ Игорь Герасимович [17(29).1. 1892, Павлоград Екатеринославской губ.—